

Е.П. Янькова

Рассказы бабушки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Е11

Е.П. Янькова
E11 Рассказы бабушки / Е.П. Янькова – М.: Книга по Требованию, 2014. – 494 с.

ISBN 978-5-4241-6608-2

Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком. Эта "бабушка" - Елизавета Петровна Янькова (1768-1861), внучка историка В.Н. Татищева, урожденная Римская-Корсакова, связанная родственными узами с Щербатовыми, Шаховскими, Архаровыми, Нащокиными, Салтыковыми, Вяземскими и многими другими. Она постоянно жила в Москве и умерла в возрасте 93 лет, живо помнила семейные предания, доходившие до времени Петра I, рассказывала их с удивительными подробностями, помня даже годы и числа, - была живой летописью всего XVIII и половины XIX столетия. Все это записал за ней ее внук Дмитрий Дмитриевич Благово (1827-1897, в монашестве архимандрит Пимен). "Рассказы бабушки" впервые были опубликованы в 1878-1880 гг. в "Русском вестнике": в 1885 г. вышли отдельным изданием

ISBN 978-5-4241-6608-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Бабушка моя, матушкина мать, Елизавета Петровна Янкова, родилась 24-го марта 1768 года. Она была дочь Петра Михайловича Римскаго-Корсакова, женатаго на княжнѣ Пелагеѣ Николаевнѣ Щербатовой. Мать Петра Михайловича, Евпраксія Васильевна, была дочь историка Василя Никитича Татищева.

Бабушка скончалась 3-го марта 1861 года, сохранивъ почти до самой своей кончины твердую память, въ особенности когда рѣчь касалась прошлаго. Всѣ члены рода Корсаковыхъ жили весьма долго, но бабушка Елизавета Петровна всѣхъ превзошла своимъ долгоденствіемъ. Она живо помнила всѣ преданія семейства, восходившія до временъ Петра I, и рассказывала съ удивительною подробностью, помня иногда года и числа: кто былъ на комъ женатъ, у кого было сколько дѣтей, словомъ сказать, она была живою лѣтописью всего XVIII столѣтія и половины XIX.

Я началъ помнить мою бабушку съ 1830 года, со времени первой холеры: ей было тогда 62 года. Она жила постоянно въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, въ приходѣ у Троицы въ Зубовѣ, въ Штатномъ переулкѣ, между Пречистенкой и Остоженкой. Мнѣ было тогда три года: мы жили въ деревнѣ въ сорока верстахъ отъ Москвы; это было осенью, въ концѣ августа или въ сентябрѣ.

Помню, что разъ вечеромъ въ гостиной я заснулъ у матушки на диванѣ, за ея спиной. Просыпаюсь — поданы свѣчи; предъ матушкой стоитъ жена управителя, Настасья Платоновна, и матушка читаетъ ей вслухъ письмо, полученное отъ бабушки. Она писала: «Милый другъ мой, Грушенька, прѣз-

жай скорѣй въ Мосѣву: насъ посѣтилъ гнѣвъ Божій, смертоносное повѣтріе, которое называютъ холерой. Смертность ужасная: люди мрутъ какъ мухи. Приѣзжай, моя голубушка, я одна: Клеопатра ¹⁾ еще не возвращалась; она и Авдотья Федоровна у Анночки въ Бремячевѣ. Чтѣ тебѣ дѣлать одной съ ребенкомъ въ деревнѣ: ежели Господь опредѣлилъ намъ умереть, такъ ужъ лучше приѣзжай умирать со мною, умремъ вмѣстѣ; на людяхъ, говорятъ, и смерть красна. Жду тебя, моя милая, Господь съ тобою ²⁾.

На слѣдующій день мы поѣхали въ Москву. Какъ мы ѣхали, не помню; памятно мнѣ только, что когда мы приѣхали къ Бутырской заставѣ, было уже совершенно темно и вдругъ насъ оварилъ яркій свѣтъ: были разложены большіе костры по обѣимъ сторонамъ дороги у самой заставы.

Я спалъ во время дороги, но когда карета вдругъ остановилась, я проснулся.

Слышу, матушка спрашиваетъ у кого-то:

— Чтѣ это такое? Отчего разложены костры?

— Велѣно окуривать тѣхъ, которые въѣзжаютъ въ городъ, отвѣчалъ чей-то голосъ въ темнотѣ.

Человѣкъ нашъ пошелъ въ караульную при заставѣ расписываться въ книгѣ: кто и откуда ѣдетъ (какъ это тогда водилось, покуда, съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ въ 1852 году, на заставахъ не были сняты шлагбаумы и въѣздъ въ города не сдѣлался совершенно свободнымъ).

Матушка говоритъ моей нянѣ старушкѣ:

— Няня, спусти стекло и спроси, отчего это казакъ стоитъ у огня?

Няня спустила стекло, высунула голову и съ кѣмъ-то говорила; я вѣрно или не понялъ, или не слышалъ ея словъ, но только слышу, она передаетъ матушкѣ шепотомъ, чтобы

¹⁾ Клеопатра Дмитріевна, младшая сестра матушки, дѣвица, которая жила съ бабушкой. Анночка, т.-е., Анна Дмитріевна Посникова, вторая дочь бабушки, находившаяся тогда въ костромской деревнѣ Бремячевѣ. Авдотья Федоровна Барыкова, дочь одного тульского дворянина, которую по выходѣ изъ института бабушка взяла къ себѣ погостить, очень любила ее и не пустила къ отцу, и прожила она у бабушки до своего замужества, съ 1816 до 1834 года.

²⁾ Это письмо уцѣлѣло; списываю его слово въ слово.

меня не разбудить: «Это, вишь, пакеть, казаки поставлены, городъ оцѣпленъ; и мертвое тѣло лежитъ»...

— Ахъ, Боже мой! воскликнула матушка.

Мнѣ стало почему-то вдругъ страшно, и я громко заплакалъ.

Матушка взяла меня на колѣни, крѣпко поцѣловала и стала мнѣ что-то говорить. Между тѣмъ, человѣкъ росписался, подняли шлагбаумъ и мы вѣхали въ городъ.

Я совершенно разгулялся ото сна и сталъ внимательно смотрѣть въ окно: вижу фонари, лавки освѣщенные, по улицамъ ѣдутъ въ каретахъ. Все это меня занимало, и все мы ѣхали, ѣхали — мнѣ показалось, очень долго и далеко. Наконецъ матушка говоритъ мнѣ: «Сними шляпу и перекрестись, мой хорошій; вотъ церковь, это нашъ приходъ, сейчасъ прїѣдемъ»...

И точно, вскорѣ мы вѣхали на дворъ. Меня вынули изъ кареты и понесли въ домъ.

Бабушка вышла встрѣтить насъ въ валу и обняла матушку, а ко мнѣ нагнулась и меня расцѣловала. Это свиданіе матушки и бабушки живо врѣзалось въ мою память и представляется мнѣ какъ самое давнее, первое мое воспоминаніе. Съ этого дня я начинаю помнить бабушку, ея Зубовскій домъ, приходъ нашъ, садъ и все то, чѣмъ я былъ постоянно окруженъ до 1838 года, когда мы отъ бабушки переѣхали на житье въ собственный домъ.

Мы вошли въ гостиную: большая желтая комната; налѣво три большихъ окна; въ простѣвкахъ зеркала съ подстолями темнокраснаго дерева, какъ и вся мебель въ гостиной. Направо отъ входной двери рѣшетка съ плющомъ и за нею диванъ, столъ и нѣсколько кресель.

Напротивъ оконъ, у средней стѣны, диванъ огромнаго размѣра, обитый краснымъ шелкомъ; предъ диваномъ столъ овальный, тоже очень большой, а на столѣ большая зеленая жестяная лампа тускло горитъ подъ матовымъ стекляннымъ круглымъ колпакомъ. У стѣны, противоположной входной двери, небольшой диванъ съ шитыми подушками и на немъ, по вечерамъ, всегда сидитъ бабушка и работаетъ: вяжетъ филе, или шнурочекъ, или что-нибудь на толстыхъ спицахъ изъ разныхъ шерстей. Предъ нею четвероугольный продол-

говатый столъ, покрытый пестрою клеенкой съ изображеніемъ скачущей тройки; на столѣ двѣ восковыя свѣчи въ высокихъ хрустальныхъ съ бронзой подсвѣчникахъ и бронзовый колокольчикъ съ пѣтухомъ. Напротивъ бабушки у стола кресло, въ которое сѣла матушка и стала слушать, что говоритъ бабушка; а я, довольный, что послѣ неподвижнаго сидѣнія въ каретѣ могу расправить ноги, отправился по всѣмъ комнатамъ все осматривать съ любопытствомъ, какъ будто видимое мною видѣлъ въ первый разъ.

Надобно думать, что я до тѣхъ поръ былъ еще слишкомъ малъ и ничего еще не понималъ, потому что все, что представлялось моимъ взглядамъ, мнѣ казалось совершенно новымъ.

Поутру бабушка кушала свой кофе у себя въ кабинетѣ, и пока не откушаетъ — дверь въ гостиную не отворялась; въ 10 часовъ замокъ у двери щелкнетъ со звономъ, бабушка выходитъ въ гостиную и направо отъ кабинетной двери садится у окна въ мягкое глубокое кресло и работаетъ у маленькаго столика до обѣда, т. е., до трехъ часовъ, а если работаетъ въ пальцахъ — вышиваетъ коверъ, то остается въ своемъ кабинетѣ и сидитъ на диванѣ противъ входной двери изъ гостиной и видитъ тотчасъ, кто входитъ изъ залы. Когда она бывала дома, то принимали прямо безъ доклада.

Опишу наружность бабушки, каковою я началъ ее помнить съ дѣтства и каковою, съ едва замѣтною для меня переменой, она осталась до самой ея кончины въ 1861 году, когда ей было 93 года.

Бабушка была маленькая, худенькая старушка съ весьма пріятнымъ блѣднымъ лицомъ; на ней тюлевый чепецъ съ широкимъ рюшемъ надвинутъ на самый лобъ, такъ что волосъ совсѣмъ не видать; тафтяное платье съ очень высокимъ воротомъ и около шеи тюлевый, рюшевый барокъ; сверху накинуть на плечи большой темный платокъ изъ легкой перстяной ткани или черный шелковый палатинъ. Какъ многія старушки ея времени, она остановилась на извѣстной модѣ, ей приличествовавшей (1820 годовъ), и съ тѣхъ поръ до самой кончины своей продолжала носить и чепецъ, и платье однажды усвоеннаго ею покроя. Это несовременное одѣяніе не казалось на ней страннымъ, напротивъ того: невольное

внушало каждому уваженіе къ старушкѣ, которая, чуждаясь непостоянства и крайностей моды, съ чувствомъ собственнаго достоинства, оставила за собой право одѣваться, какъ ей было удобно, какъ бы считая одежду не поводомъ къ излишнему щегольству, но только средствомъ, изобрѣтеннымъ необходимою, приличнымъ образомъ, удобно и покойно себя чѣмъ-нибудь прикрыть.

Десять лѣтъ моего дѣтства провелъ я въ домѣ бабушки и съ дѣтства слышалъ ея рассказы, но немногое отъ слышаннаго тогда осталось въ моей памяти; я былъ еще такъ малъ, что не придавалъ настоящаго значенія слышанному мною и то, что слышалъ сегодня — забывалъ завтра. Десять лѣтъ спустя, когда, лишившись своей незамужней дочери, съ которою она жила, бабушка переѣхала на житье къ намъ въ домъ и жила съ нами до своей кончины, въ эти двѣнадцать лѣтъ слышанное мною живо врѣзалось въ мою память, потому что многое было мною тогда же подробно записано. Въ числѣ этихъ двѣнадцати лѣтъ мы провели безвыѣздно три года — 53, 54 и 55 — въ деревнѣ, и тутъ то въ длинные зимніе вечера бабушка любила вспоминать о своей прошлой жизни и не рѣдко повторяла одно и то же.

То, что я тогда записалъ, могу передать со всею полнотою подробностей, которыя доказываютъ, что говоритъ очевидецъ, припоминающій когда-то видѣнное, а то, что я позабывалъ или иногда и лѣнился записывать подробно, слишкомъ довѣряя своей памяти, я передаю только въ очертаніяхъ и краткихъ словахъ, не желая вымышлять и опасаясь исказить точность мнѣ переданнаго.

Всѣ тѣ мелочныя подробности ежедневной нашей жизни, которыми мы пренебрегаемъ въ настоящее время, считая ихъ излишними и утомительными, становятся драгоценными по прошествіи столѣтія, потому что живо рисуютъ предъ нами нравы, обычаи, привычки давно исчезнувшаго поколѣнія и жизнь, имѣвшую совершенно другой складъ, чѣмъ наша.

Я нѣсколько разъ пытался предлагать бабушкѣ диктовать мнѣ ея воспоминанія, но она всегда отвергала мои попытки при ней писать ея записки и обыкновенно говаривала мнѣ: «Статочное ли это дѣло, чтобъ я тебѣ диктовала? Да я и сказать-то ничего тебѣ не сѣумѣю; я давнымъ давно все позабыла, а

ежели что я рассказываю, и тебѣ покажется интереснымъ, такъ ты и запиши, а большаго отъ меня не жди, мой милый».

Такъ мнѣ и приходилось дѣлать: записывать украдкой и потомъ приводить въ порядокъ и одинъ рассказъ присоединять къ другому. Будучи въ настоящее время единственнымъ хранителемъ этихъ преданій и рассказовъ, я счелъ своимъ долгомъ подѣлиться этими словесными памятниками прошедшаго со всѣми любителями старины и рассудилъ, что мнѣ, какъ москвичу, всего лучше и приличнѣе напечатать ихъ въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что въ московскомъ обществѣ найдутся люди, по преданію имѣющіе понятіе о лицахъ, упоминаемыхъ въ рассказахъ старушки, прожившей всю свою жизнь въ Москвѣ.

1877 года, ноября 1-го дня.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Я родилась въ селѣ Бобровѣ, которое купила покойная бабушка, батюшкина мать, Евпраксія Васильевна, дочь историка Василя Никитича Татищева. Въ первомъ бракѣ она была за дѣдушкой, Михаиломъ Андреевичемъ Римскимъ-Корсаковымъ, и отъ него у нея было только двое дѣтей: батюшка Петръ Михайловичъ и тетушка княгиня Марья Михайловна Волконская. Вскорѣ овдовѣвъ, бабушка вышла замужъ за Шепелева (кажется, Ивана Ивановича); дѣтей у нихъ не было и они скоро развѣхались, давъ другъ другу подписку, чтобы ни которому изъ нихъ одному послѣ другого седьмой части не брать. По Шепелевымъ бабушка приходилась сродни графинѣ Шуваловой (Маврѣ Егоровнѣ, урожденной Шепелевой, женѣ графа Петра Ивановича Шувалова).

Лѣтомъ графиня Шувалова жила иногда въ своемъ имѣннѣ, гдѣ-то неподалеку отъ Боброва; бабушка съ ней считалась родствомъ и была дружна. Разъ какъ-то она была у нея въ гостяхъ, та и говоритъ ей: Чтѣ ты меня никогда не позовешь къ себѣ обѣдать?

— Чтѣ же мнѣ тебя звать, отвѣчала бабушка, — милости просимъ когда угодно.

— Ну, такъ назначъ день, когда мнѣ прѣхать; а то легко ли сколько верстѣ ѣхать съ визитомъ, а ты, пожалуй, и не дашь пообѣдать.

— Я дня не назначаю, потому что ты сама знаешь, всегда тебѣ рада и обѣдомъ угощу, прошу не прогнѣваться, чѣмъ Богъ послалъ... А ежели день назначишь, и того лучше, буду тебя ожидать... Назначь сама.

День назначили. Бабушка, пріѣхавъ домой, послала нѣсколько троекъ туда-сюда: кто поѣхалъ за рыбой, кто за дичью, за фруктами, мало ли за чѣмъ? Званный обѣдъ: Шепелева угощаетъ графиню Шувалову, — стало-быть, пиръ на весь міръ. Бабушка была большая хлѣбосолка и не любила лицомъ въ грязь ударить. Надобно гостей назвать: не вдвоемъ же ей обѣдать съ графиней. Послала звать сосѣдей къ себѣ хлѣба-соли откушать; и знатныхъ, и незнатныхъ—всѣхъ зоветъ: большая барыня никого не гнушается; ее никто не уронить, про всѣхъ у нея чѣмъ накормить достанетъ... Приспѣлъ назначенный день. Гостиная полна гостей; Калуга въ семнадцати верстахъ и оттуда съѣхались: пріѣхала главная гостыя—Шувалова; не забыли и попа съ попадѣй. Попадью бабушка очень любила и ласкала; соскучится бывало, и позоветъ человѣка: «Поди, зови попадью». Та придетъ: «Что жъ это ты дѣла своего не знаешь, ко мнѣ не идешь который день?» Та начнетъ извиняться: «Ахъ, матушка ваше превосходительство, помилюйте, какъ же я могу, какъ я смѣю незваная придти»... Бабушка какъ прикрикнетъ на нее: «Что ты, въ умѣ, что ли, дура попова, всякій вадоръ городишь! Вотъ новости: незваная! Скажите на милость: велика птица, зови ее! пришла бы сама, да и пришла.. Ну, ну, не сердись, что я тебя обругала, я пошутила, попадья; садись, рассказывай, что знаешь»... И такъ рѣдкій день, чтобы попадья не была у бабушки.

Пришелъ часъ обѣда; дворецкій съ важностью доложилъ: «Кушанье готово». Хозяйка взяла за руку Шувалову, ведетъ ее къ столу, видитъ, попадья тутъ стоитъ. Желая ее приласкать, она и говорить ей:

— Ну, попадья, ты свой человѣкъ; сегодня не жди, чтобы я тебя подчивала, а что приглянется, то и кушай.

Въ то время кушанья не подавали изъ буфета, а все выставляли на столъ, и переѣнъ было очень много. Въ простые дни, когда за-свой обѣдаютъ, и то бывало у бабушки всегда: два горячія—щи да супъ или уха, два холодныя, четыре соуса, два жаркія, два пирожныя... А на званомъ обѣдѣ, такъ

и того болѣе: два горячія — уха да супъ, четыре холодныя, четыре соуса, два жаркія, нѣсколько пирожныхъ, потомъ десертъ, конфеты, потому что въ рѣдкомъ домѣ чтобы не было своего кондитера и каждый день конфеты свѣжія... Можно себѣ представить, какой былъ въ этотъ день обѣдъ у бабушки: она любила покушать, у нея, говорятъ, и свои фазаны водились; безъ фазановъ она въ праздникъ и за столъ не садилась. Бывало, сидятъ за столомъ, сидятъ — конца нѣтъ: сядутъ въ зимнее время въ два часа, а встанутъ — темно; часа по три продолжался званый обѣдъ.

Ну, сѣли за столъ, сидятъ — кушаютъ да похваливаютъ; чтò блюдо — то диковинка; вотъ дошло дѣло до рыбы. Дворецкій подходитъ къ столу, чтобы взять блюдо, — стоитъ и не беретъ. Бабушка смотритъ и видитъ, что онъ самъ не свой, на немъ лица нѣтъ, чуть не плачетъ. «Чтò такое?» Подаютъ ей стерлядь разварную на предлинномъ блюдѣ; голова да хвостъ, самой рыбы какъ не бывало. Можешь себѣ представить, какъ бабушкѣ стало досадно и конфузно! Она не знаетъ, чтò и подумать! Смотритъ кругомъ на всѣхъ гостей, видитъ, попадья сидитъ, какъ на иголкахъ — ни жива, ни мертва... Бабушка догадалась, говорить громко: «Чтò жъ это такое?» а сама съ попадья глазъ не сводитъ. Съ попадьею чуть не дурно дѣлается, встала, хочетъ сказать — не можетъ. Всѣ гости опустили глаза, ждуть — вотъ будетъ буря. «Попадья, ты это сѣла у меня рыбу?» грознымъ голосомъ спрашиваетъ бабушка.

— Виновата, матушка государыня, ваше превосходительство, точно я, виновата, бормотала попадья, — сгруппилась...

Бабушка расхохоталась, глядя на нее — и всѣ гости.

— Да какъ же это тебѣ въ умъ только пришло сѣсть что ни на есть лучшую рыбу? спрашивала хозяйка сквозь смѣхъ.

— Простите, виновата, государыня, ваше превосходительство! Вотъ какъ изволили идти-то къ столу, такъ и сказали мнѣ, что ты, молъ, свой человекъ, не жди, чтобы подбивать стала, а чтò приглянется, то и кушай... Сѣла я за столъ, смотрю, рыбина стоитъ предо мною большая, — хороша, должно-быть, семь-ка, я отвѣдаю, да такъ кусочекъ за кусочкомъ, глотокъ за глоткомъ, смотрю, — а рыбы-то ужъ и нѣтъ...

Бабушка и графиня хохочутъ еще пуще прежняго; имъ вторять гости..

— Ну, попадья, удружила же ты мнѣ, нечего сказать... есть за что поблагодарить! Я нарочно за рыбой посылаю и ни вѣсть куда, а она за одинъ присѣсть изволила скушать! Да развѣ про тебя это веали? Ужь подлинно—дура попова.

И обратившись къ дворецкому сказала: «Поди, ставь попадья ея объѣдки, пусть доѣдаетъ за наказаніе, а намъ спросите, нѣтъ ли еще какой другой рыбы?..»

Принесли другое блюдо рыбы—больше прежней..

Я думаю, что вся эта продѣлка попадья была заранѣе подготовлена, чтобы посмѣшить гостей; тогда вѣдь это водилось, что держали шутовъ да шутихъ..

Бабушка Евпраксія Васильевна была, говорятъ, очень крутого нрава, и какъ знатная и большая барыня, была въ большомъ почетѣ и не очень церемонилась съ мелкими сосѣдами, такъ что многія сосѣдки не смѣли и войти къ ней на парадное крыльцо, а все на дѣвичье крыльцо ходили.

Разсказываютъ, что одна сосѣдка сказала про бабушку что-то неладное; бабушкѣ передали это. Она промолчала. Черезъ сколько-то времени пріѣхала къ ней эта сосѣдка, говорившая про нее дурно. Пришла въ дѣвичью и говорить: «Доложите генеральшѣ, что я, молъ, пріѣхала».

Пришли докладывать бабушкѣ, что такая-то пріѣхала и сидитъ въ дѣвичьей.

— Скажи ей, что я ее и видѣть не хочу. Я, видишь, не хороша по ея разсужденію,—ну, пусть лучше кого ищетъ, а меня бы оставила въ покоѣ и избавила отъ своего знакомства.

Возвратилась въ дѣвичью та, которая докладывала.

— Генеральша на васъ, матушка, за что-то гнѣвается, говоритъ: «коли я не хороша для нея, пусть кого получше ищетъ, чтобы ко мнѣ и глазъ не казала, не ѣдила».

Барынька просить, чтобы объ ней доложили; никто идти не смѣетъ, боятся. Такъ она посидѣла, посидѣла, да и къ себѣ опять поѣхала. И раза два или три она потомъ пріѣзжала; доложить бабушкѣ—и все одинъ отвѣтъ: «Скажи ей, что напрасно ѣздитъ, вѣдь сказала, что не приму, и не приму».

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ: ѣдная сосѣдка ѣздитъ, бабушка не принимаетъ.